

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«**СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**»

Гуманитарный институт
Кафедра философии

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ / В. И. Кудашов

«___» _____ 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

47.03.01 Философия

**ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФИИ ВОЙНЫ В ТЕКСТАХ
Н. А. БЕРДЯЕВА.**

Руководитель _____ канд филос. наук
подпись, дата

Г. А. Илларионов

Выпускник _____
подпись, дата

Е. А. Полунин

Красноярск 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. Биографический и идейный контекст размышления Н. А. Бердяева о феномене войны	5
1.1 Факты биографии Н.А. Бердяева. Основные труды, касающиеся проблемы войны	5
1.2 Конкретное понимание исторического процесса	11
1.3 Концепт творческих исторических задач, глобальные цели истории. восхождение человечества к соборности	16
1.4 Национализм и Империализм.	19
2. Война как решение творческих исторических задач на примере России	21
2.1 Природа русского духа, проблемы и возможности.	22
2.2 Роль России в истории человечества. Мессианство России. Мост между Западом и Востоком.	26
2.3 Война как катализатор изменений	30
2.4 Война - путь осуществления исторической задачи	35
2.5 Изменение взглядов на феномен войны после Октябрьской революции и эмиграции.	40
2.6 Основные философские проблемы о войне в размышлении Н. А. Бердяева	43
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	53

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы: За последние десять лет обстановка в международных отношениях стала более напряженной. Боевые действия теперь ведутся на территории континента, где, как было принято считать, был достигнут долгий мир. Мир пришел в движение. Начала меняться структура международной безопасности, нейтральные страны стали задумываться об отмене своего статуса. Начали меняться экономические отношения, которые устанавливались десятилетиями. Обострились демографические проблемы: демографические ямы в развитых странах и огромное количество беженцев, ищущие убежище в этих странах. Оставшиеся представления о конце истории явили свою несостоятельность на фоне последних событий. В сознании жителей развитых стран исчезло представление о боевых действиях как о чем-то далеком, их последствия обыватель легко может наблюдать в различных источниках информации, а также ощущать влияние в обыденной жизни после изменения мировой экономики от воздействия взаимных санкций. Становятся снова важны вопросы : о природе вооруженных конфликтов, их причинах; о значении организованного насилия на природу человека; о ценности человеческой жизни и нравственной обоснованности ее утраты во имя политических или иных целей; о структуре мировой безопасности и пути человечества; о границах применения достижений науки; о праве на ведение боевых действий, о проблеме отношения обывателя к такого рода социальным взаимодействиям. На эти же вопросы искал ответы чуть более 100 лет назад наш соотечественник – философ Николай Александрович Бердяев. Его взгляд на эти вопросы до сих пор заслуживает научного интереса по причине его целостного подхода к феномену войны, а также прогнозов последствий войны.

Проблема: До сих пор остается неясным, вопрос о месте и значении феномена войны в историческом процессе, вопрос о соотношении между индивидуальной и коллективной ответственностью за войну и ее последствия.

Объект исследования: Понятие феномена войны в философском мышлении.

Предмет: Тексты Н. А. Бердяева, в которых он напрямую размышляет о феноменах войны, а также тексты, которые необходимы для целостного понимания философской концепции войны Н. А. Бердяева

Цель: Определить статус феномена войны в историческом процессе и его значение для определения поля ответственности отдельного индивида и коллектива.

Задачи:

1. Определить биографический контекст автора, оказывающий влияние на его интерес к феномену войны.
2. Определить идейный контекст автора – связь ядра его философии с размышлениями о феномене войны.
3. Раскрыть существенные характеристики феномена войны в подходе автора.
4. Указать отличительные особенности подхода автора касательно проблем о месте феномена войны в историческом процессе и влияние на ответственность индивида и коллектива.

Методологическая база: В работе использовались: герменевтический метод, компаративный метод для сопоставления различных понятий и концептов, а также выделения их отличительных особенностей, метод анализа. Философско-методологическим основанием работы являются принципы историзма, целостности и системности.

1. Биографический и идейный контекст размышления Н. А. Бердяева о феномене войны

1.1 Факты биографии Н.А. Бердяева. Основные труды, касающиеся проблемы войны

Для герменевтического анализа трудов мыслителя важно знать факты его биографии по нескольким причинам:

Биографические данные помогают нам понять контекст, в котором формировались и развивались мысли и идеи мыслителя. Знание обстоятельств его жизни, образования, культурной и социальной среды, с которой он взаимодействовал, может помочь нам лучше понять, какие факторы влияли на его мышление и формирование философских взглядов.

Знание биографии автора позволяет нам более глубоко и точно интерпретировать тексты и работы мыслителя. Знание об определенных событиях, переживаниях, личных убеждениях и идеологических склонностях мыслителя может помочь нам раскрыть скрытые значения, мотивации и цели, которые присутствуют в его трудах. Понимая контекст, в котором были написаны тексты, мы можем более точно раскрыть их смысл и значение.

Другим важным фактором для понимания трудов автора является раскрытие влияния других мыслителей: Знание биографических данных помогает нам понять, как мыслитель взаимодействовал с другими мыслителями своего времени. Идейная преемственность оказывает существенное влияние на развитие его философских взглядов. Зная контекст взаимодействия с другими мыслителями, мы можем лучше понять истоки идей автора.

Николай Александрович Бердяев — выдающийся русский философ и религиозный мыслитель XX века. Его жизнь и творчество охватывают несколько

основных этапов, которые сыграли важную роль в формировании его философии.

Николай Бердяев родился 18 марта 1874 года в Киеве, в семье родом из помещиков. Бердяев уже с юношества начал изучать философию, теологию и политическую экономию, одновременно с этим учась в кадетской школе. Поступив в Киевский университет, он не смог его окончить по причине участия в беспорядках “Союз борьбы за освобождение рабочего класса”, за что был наказан ссылкой. [29, с. 23] В этот период он был заинтересован в марксизме и социалистических идеях.

Здесь можно отметить важную черту характера. Семейная история играла важную роль в жизни Бердяева. Он исследовал свои корни, отмечая аристократическое влияние на свое мышление. Он чувствовал себя неуютно среди буржуазии и дворянского общества, в то же время он понимал свое отличие от других сословий. [29, с. 101; с. 65] Это его положение “между” будет его определяющей чертой по жизни и важной предпосылкой антиномичности его мышления: “As a Russian thinker, he initially developed a philosophy that tried to establish peace between nationalism and the sense of universalism”. [1, с. 4]. Бердяев с ранних лет начинает ощущать, что мир устроен не на благих началах, что мир полон зла и несправедливости, в добавление к этому воинских дух, возвращенный в семье потомственных военных, нашел свое призвание в борьбе со злом мира. Этому духовному запросу юного Бердяева и соответствовал марксизм. Однако, эта чуткость чувствования окружающего мира и бунтарский дух потом же станут причиной отхода от марксизма. Бердяев знакомится с Львом Шестовым, проникается русскими классиками: Достоевский, Толстой. Возникает первое противоречие в его взглядах: порыв к борьбе со злом мира через марксизм не мог сосуществовать с его интуициями о трансцендентальности ценностных категорий, что они не определяются социальной борьбой классов: «Наиболее существенным в моей книге было мое крепкое, основоположное убеждение, что истина, добро, красота не зависят от революционной классовой борьбы,

определяются не социальной средой, а трансцендентальным сознанием» [29, с. 67]

В 1905 году Бердяев на фоне революции переживает глубокий кризис веры и идеологии [29, с. 75]. Он осознал ограничения материалистического мировоззрения и столкнулся с вопросами смысла и свободы. Этот кризис привел его к отказу от марксизма и поиску новых духовных путей, и проявляется в его работе «С точки зрения вечности».

С начала 1910-х годов Бердяев активно развивал свои философские и религиозные идеи. Он стал одним из основателей религиозно-философского журнала "Путь" а также журнала "Вехи", привлекал круг выдающихся интеллектуалов своего времени: Андрей Белый, Зинаида Николаевна Гиппиус, Валерий Яковлевич Брюсов, Владимир Сергеевич Соловьев, Василий Васильевич Розанов, Дмитрий Сергеевич Мережковский. Бердяев развивал свои взгляды, исследуя вопросы о свободе, личности, религии и духовности, а также о том, как преодолеть кризисы и найти новые пути развития общества в работах: «Философия свободы» и «Смысл творчества».

Николай Бердяев был философом, чьи взгляды оказались сильно обусловлены его происхождением и воспитанием, связанным с военной аристократией [29, с. 7-10]. Его интерес к военно-философской проблематике был тесно связан с этими факторами. Он размышлял о том, как военные конфликты влияют на человеческую жизнь и общество в целом, и каким образом они могут помочь развить философию и добавить новые аспекты в свои работы. Поэтому Первая Мировая Война заняла особое место в его философских изысканиях. В сборнике публицистических статей "Судьбы России" мы обнаруживаем, что тему войны он с одной стороны воспринимает патриотически [29, с. 151] — испытание русского народа, с другой стороны, как проявление зла в мире вообще — одна из ключевых тем его философии.

После октябрьской революции Бердяев оказывается в противостоянии со своими бывшими соратниками — марксистами, однако, это не мешает ему стать профессором Московского университета без законченного образования. Его

путь был сложным из-за расхождений с советской идеологией. В полемике с советской властью пишет “Философию неравенства”. Бердяев был выслан из России в 1922 году и продолжил свою работу в Берлине и Париже. В эмиграции он активно участвовал в организации журналов и обществ, связанных с философией и культурой, и развивал свои идеи. В эмиграции он знакомится с немецкими мистиками М. Экхарт и Я. Беме, от которых он перенял концепт темного начала в христианстве [29, с. 55]. В это время его мысли приобрели все большую известность и влияние, и он стал востребованным философом и публицистом. Бердяев активно взаимодействовал с другими русскими эмигрантскими интеллектуалами и учеными, такими как Иван Ильин, Сергей Булгаков и другие.

Бердяев был ярким противником коммунистического мировоззрения и старого порядка. Его критическое отношение к коммунизму и старому строю стало одним из основных аспектов его философии. Он выступал против тоталитаризма и отстаивал свободу и неприятие рабства. Он также размышлял о современном духовном состоянии мира и склонности отказаться от духовной свободы в пользу силы. Его работы включают размышления о том, как преодолеть кризисы и найти новые пути развития общества. Однако, он не был непримиримым противником Советской России, в ней он все еще видел свою родину, также выступал против изоляции ее в международной дипломатии, что вызывало недоумение у других русских эмигрантов. Близость к родине независимо от того какая там власть — выражена в тоске по родине “Я ходил по Берлину с очень острым чувством контраста разных миров. Я не испытывал подавленности от изгнания, но у меня все время была тоска по России.” [29, с. 137] в его работах после эмиграции. После освобождения Парижа от немецких захватчиков он вывесил красный флаг, показывая свою неразрывную связь с народом своей родины и сочувствие его борьбе.

В 1948 году Николай Бердяев скончался в Кламаре, Франция. К концу своей жизни он обрел мировую известность, стал доктором Кембриджского университета, оказал влияние на французский экзистенциализм. Его

философские работы, включая "Философию свободы" и "Смысл творчества", оставили глубокий след в истории философии. Он сформировал уникальную философскую систему, в которой прослеживаются идеи о свободе, личности, религии и духовности, оказавшие значительное влияние на дальнейшее развитие философии и культуры.

Особое значение для понимания философских взглядов Бердяева имеет его духовная связь с Владимиром Соловьевым. Идеи Соловьева о возвышении человека через любовь и духовное единство имели глубокий резонанс в философии Бердяева. Он унаследовал у Соловьева важные понятия [44, с. 207], такие как "соборность" и "синтез" духовных противоречий, которые он дальше развивал и применял в своих собственных работах.

Существенные различия между Бердяевым и Соловьевым – Бердяев и Соловьев представляют разные подходы к защите христианского гуманизма. Соловьев стремится ввести истину христианства в новую разумную форму, охватывающую всю человеческую жизнь, тогда как Бердяев настаивает на примате человеческой свободы. Соловьев видел в христианстве основу объединения и гармонии в обществе, тогда как Бердяев считал, что истинная свобода возникает только через осознание и проживание каждым человеком своей уникальной индивидуальности.

Баланс между свободой и истиной - Бердяев нарушает гармонию между личной свободой и истиной [44, с. 211] у Соловьева, подчеркивая безграничные прерогативы человеческой личности. Он отстаивает свободу как высшую ценность и считает, что она должна иметь преимущество перед любыми внешними авторитетами или истинами.

Размышление о современном духовном состоянии мира и склонности отказаться от духовной свободы в пользу силы. Бердяев критикует интеллигенцию, которая отказалась от своих принципов в угоду спокойной жизни. Он замечает, что в современном обществе многие люди стремятся к власти, материальным благам и удовлетворению собственных желаний,

отказываясь от поиска истины и духовности. Бердяев призывает к обращению к духовным ценностям, критическому мышлению и возвышению свободного духа.

В произведениях Федора Достоевского Бердяев нашел глубокое понимание человеческой природы, моральных дилемм и религиозных вопросов. Достоевский проникал в глубины человеческой души и исследовал сложные взаимосвязи между свободой и ответственностью.

Также важно упомянуть Сергея Булгакова – российского философа и богослова. Связь Булгакова и Бердяева была настолько близкой, что их в шутку называли “Булдяев” и “Бергаков”. Их схожесть заключалась в идеях о синтезе христианства и философии, о духовной свободе и обновлении общества.

Так сформировались основные темы философии Бердяева:

1. Свобода и личность: Одна из центральных тем в философии Бердяева - это свобода и личность. Он считал, что истинная свобода является важнейшей характеристикой человеческой природы, и что каждая личность обладает неповторимостью и уникальностью. Бердяев утверждал, что свобода необходима для самореализации и раскрытия духовного потенциала каждого человека.
2. Духовность и религия: Бердяев посвятил значительное внимание вопросам духовности и роли религии в жизни человека. Он размышлял о смысле бытия, о сущности религиозного опыта и о влиянии религии на формирование культуры и общества. Бердяев отстаивал идею о том, что духовная жизнь имеет первостепенное значение и является основой для истинного развития человека.
3. Человеческая история и социальные проблемы: В своих работах Бердяев анализировал ход человеческой истории и исследовал социальные проблемы, с которыми сталкивается общество. Он критически оценивал различные формы политической организации и власти, отстаивая идеалы демократии и гуманизма. Бердяев выступал против тоталитаризма и иных форм политической диктатуры, а также высказывался по вопросам социальной справедливости и экономической системы.

4. Философия и культура: Бердяев уделял внимание взаимосвязи философии и культуры. Он исследовал влияние культуры на формирование мировоззрения и ценностных ориентаций человека, а также обратное влияние философии на культурные процессы. Бердяев размышлял о роли и значимости искусства, литературы и музыки в жизни человека и общества.

Уникальность Бердяева заключается в его способности выявления симптомов грядущих катастроф и культурных перемен. Ф. А. Стипун касательно этого писал: «Во всем, что писал и проповедовал Николай Александрович, всегда чувствовалась укорененность в своеобразном мистически-реальном опыте <...> пророческое ощущение начавшейся смены эпох». [44, с. 305] То, о чем будут писать будущие французские экзистенциалисты потерянного поколения, Бердяев предчувствовал в своем эсхатологическом ощущении приближения исторических катаклизмов. [57] Что стало причиной обращения внимания на феномен войны.

1.2 Конкретное понимание исторического процесса

Для анализа концепта войны у Бердяева, необходимо обратиться к конкретно его пониманию истории, которое является метатекстом по отношению к его взглядам о войне. Проблематика войны в трудах Н. А. Бердяева рассматривается в зависимости от особенности взгляда автора на исторический процесс. Прежде всего он противопоставляет свой взгляд на историю, обозначенный как тотальный, надличностный, взгляду частному. Частный взгляд на историю подразумевает её отчужденность человеку, он чувствует себя пассивной переменной в системе исторической реальности, выстроенной на социальных категориях. История предстает хронологически выстроенным набором фактов, которые связаны и обусловлены между собой обезличенными силами. Эти силы человек видит по отношению к себе внешними и довлеющими.

Отсюда вытекает ориентированность человека на относительное – блага, или иначе, всё то, что желает подчинить своей воле. Подобное мироощущение Н. А. Бердяев характеризует рабским, поскольку оно лежит в основании безучастного, индифферентного отношения к жизни: «Раб вечно ощущает насилие над собой со стороны внешнего, и для него все внешнее – чуждое. Свободный все ощущает своим путем, своим испытанием, своей судьбой.» [26, с. 342] На критике этого отношения выстраивается противоположный взгляд на историю: “Но эта слабость и узость человеческого сознания, эта выброшенность человека на поверхность не может быть опровержением той великой истины, что каждый человек – всемирный по своей природе и что в нем и для него совершается вся история.” [26, с. 343] Здесь акцентируется внимание на переживании исторических событий конкретным человеком имманентными его духу, неважно насколько они далеки во времени и пространстве, поскольку центральным в этом мироощущении будет не относительное, а конкретное – духовное ценности, выступающие самоцелью в силу их способности обосновывать ценность материальных вещей. “Тот взгляд на жизнь, который я называю историческим лишь в противоположность частному и который, в сущности, религиозный, – ценности ставит выше блага, он принимает жертвы и страдания во имя высшей жизни, во имя мировых целей, во имя человеческого восхождения.” [26, с. 344]

Осознание непосредственной причастности к всеобщей истории человечества выступает основанием апологии трагичности истории. “Freedom is experience of tragedy of man» [2, с. 99]. Если на бытовом уровне частного взгляда на историю борьба между государствами, народами будет рассматриваться в контексте произвола власть имущих, лишений и потерь, а на уровне обьективированных категорий и схем – в контексте закономерностей социальных взаимодействий, то в противостоящем ему взгляде этот контекст изменится на необходимое движение к осуществлению мировых целей, которое невозможно без жертв. Здесь Н. А. Бердяев обращается к проблеме соотношения средств и целей через отсылку на Ф. М. Достоевского: “И все жертвы всемирной истории совершаются не только мной, но и для меня, для моей вечной жизни.

Слезинка ребенка пролита не только для мира, для свершения мировой судьбы, но и для самого ребенка, для свершения его судьбы.” [26, с. 342] Осознание того, что жертва причастна к цели не только своим статусом, но и тем, что она и приносящий жертву преследуют одинаковую цель, позволяет преодолеть противопоставление между ними. Там, где частное мировоззрение видит насилие и подавление воли, понимание общей задачи в историческом контексте открывает взгляд на необходимость подчинения личных интересов и установления гармонии в рамках большой картины Вселенной.

Другой важный принцип этого подхода по мнению Н. А. Бердяева выражается в заповеди: любите дальнего больше, чем ближнего. [22, с. 309]. Человек не должен быть ограничен инстинктом сострадания, обрамляющий круг его забот. Забота о своем доме, народе, языке, стране как переживание причастности внешнему, без которой лишается основания субъектности, не даёт возможности увидеть это основание в чём-то, что преодолевает конечность человека.

История представляется восхождением от иерархически низших ступеней объединения людей к абсолютному единству человечества, сопровождающееся распространением цивилизации на всё пространство земного шара. “Творческий труд над природой, расширенный до космического размаха, должен быть положен во главе угла. Труд этот не должен быть рабски прикреплен к земле, к ее ограниченному пространству, он всегда должен иметь мировые перспективы”. [14, с. 254]. Восхождение осуществляется через борьбу исторических субъектов, которые имеют разный статус: от национальных индивидуальностей до империалистических образований. “Весь мировой путь бытия есть сложное взаимодействие разных ступеней мировой иерархии индивидуальностей, творческое вращение одной иерархии в другую, личности в нацию, нации в человечество, человечества в космос, космоса в Бога” [18, с.169]. Объединение человечества не должно быть осуществлено в форме доминирования одной конкретной исторической индивидуальности с последующим поглощением

остальных, напротив, единство человечества должно быть устроено в балансе всего множества этно-национальных индивидуальностей.

Как неприемлемо доминирование одной индивидуальности, также неприемлемо размытие отличий в гуманистическом космополитизме, в котором человечество предстает в виде внутренне не различимой массы людей, отбросивших свои естественные национальные идентичности в пользу искусственно созданного общечеловеческого идеала, который в сущности является продуктом европейского мышления, но претендующий на универсальность. «И установление всечеловеческого братства народов будет не исчезновением, а утверждением национальных индивидуальностей. Отвлеченность же не есть бытие. В отвлеченном от всякой конкретной множественности, освобожденном гуманизме нет духа бытия, есть пустота.» [18, с.165.] Совершенное единство – (общенациональное, общечеловеческое, космическое или божественное) есть высшая и наиболее полная форма бытия всей множественности индивидуальных существований в мире.

Превалирующая форма взаимодействия исторических индивидуальностей – борьба, определяет общий трагический характер истории. Принятие истории включает в себя признание борьбы за национальные особенности и культурные традиции: «Человечество идет к единству через борьбу, распрю и войну. Это – печально, это может вызывать наше негодование, это – показатель большой тьмы, в которую погружены самые корни человеческой жизни, но это так.» [16, с. 196]

Идеи пацифизма в данном контексте описываются как неестественные и противоречащие историческому развитию. Идеал просвещения, нацеленный на достижение вечного мира, согласно Н.А. Бердяеву, может привести к губительному исходу для человечества. Мир, лишенный движения и застывший в покое, неизбежно обречен на стагнацию и вырождение. Движение невозможно без сопротивления: «Действовать — значит встречать противодействие, бороться и в конце концов воевать. У людей есть глубокая потребность драться, есть неискоренимые военные инстинкты» [23. с. 305], которое оно преодолевает,

в этом принципе выражается принятие боли и страданий, сопутствующие историческому процессу: “История – парадоксальна и антиномична, процессы ее – двойственны. Ничто в истории не осуществляется по прямой линии, мирным нарастанием, без раздвоения и без жертв, без зла, сопровождающего добро, без тени света” [13, с. 208]

Жертвы могут быть не только на уровне отдельных людей, но также и на уровне целых народов. Не может быть вечно неизменных исторических образований. Каждый народ вносит свой вклад в движение общей истории, вступая в периоды от процветания до упадка и полного забвения. Вклад может быть не только созидательным, но и разрушительным, существуют народы, роль которых в истории – нести кару другим народам, например, такая страна в Европе – Турция. [26, с. 331]

Здесь мы можем выделить еще один принцип – принцип отсутствия морального превосходства одних исторических индивидуальностей, над другими. Ни один народ не может претендовать на моральную исключительность, как основание своего права на доминирование. Более того, не стоит воспринимать этот подход к истории как идеалистический – кто прав, а кто не прав: “Мировая борьба народов в истории определяется не моральными прерогативами. Это – борьба за достойное бытие и исторические задачи, за историческое творчество. Историческая борьба – это борьба за бытие, она всегда есть борьба за ценность, за творческую силу, а не за элементарный факт жизни, не за простые интересы” [24, с. 317]. История, как решение творческих задач, означает отказ восприятия её готовыми схемами, категориями, будь они моральные, религиозные или социологические.

Н.А. Бердяев в своем понимании истории выражает идею объединения человечества в балансе этно-национальных индивидуальностей, отвергая как доминирование одной конкретной исторической индивидуальности, так и размытие отличий в гуманистическом космополитизме. История представляется восхождением от иерархически низших ступеней объединения людей к абсолютному единству человечества, сопровождающееся распространением

цивилизации на всё пространство земного шара. Превалирующая форма взаимодействия исторических индивидуальностей – борьба, определяет общий трагический характер истории. Война рассматривается неизбежной и необходимой в историческом процессе. Идеи пацифизма в данном контексте описываются как неестественные и противоречащие историческому развитию. История – череда вызовов, проблем и ответов на них.

1.3 Концепт творческих исторических задач, глобальные цели истории. Восхождение человечества к соборности

Причины исторической борьбы и, в частности, войны можно поделить на формальные и материальные. Их определение необходимо для обозначения того, как определяется специфика идейного обоснования конфликтов.

Каждая историческая индивидуальность сталкивается с творческими историческими задачами, которые можно разделить на глобальные и частные. Глобальные исторические задачи – это задачи, которые решаются народами и государствами в масштабах всей планеты и имеют значение для всей человеческой цивилизации. Частные исторические задачи относятся к национальному духу титульного народа исторической личности. Однако, нельзя рассматривать частные задачи отдельно от всего мира, поскольку все субъекты в истории находятся во взаимодействии. Кроме того, можно отметить, что глобальные задачи включают в себя решение многих частных задач, и наоборот, эффективное решение частных задач может привести к решению глобальных задач. Таким образом, исторические задачи не только диктуются ситуацией в мире, но и связаны между собой, и их решение требует комплексного подхода.

В область творческих исторических задач входят различные аспекты жизни общества, такие как политика, экономика, культура, наука и технологии. Глобальные задачи, нацеленные на единство всего человечества, могут включать вопросы культурных и национальных объединений, оформленные в международные организации и договоры, вопросы процессов взаимодействия

субъектов исторического процесса от ведения военных действий до налаживания дипломатических и экономических связей. Частные задачи могут быть связаны с сохранением и развитием культурного наследия и национальных традиций и обычаев, обеспечением социальной справедливости, поддержанием здорового состояния национального духа и внутреннего единства.

Специфика творческих исторических задач зависит как от внешних факторов, таких как международные конфликты или природные катаклизмы, так и от внутренних противоречий, например, политических и социальных конфликтов в обществе. Решение этих задач требует участия всех участников общества - государственных структур, населения, общественных объединений и частных лиц.

По времени, занимаемом в историческом процессе, творческие исторические задачи могут быть как краткосрочными, так и долгосрочными. Решение некоторых задач может занять несколько лет или десятилетий, задача также может быть нерешенной на протяжении веков, например, проблема обретения обещанной земли еврейским народом, в то время как другие могут быть решены в течение нескольких месяцев или даже недель, более того, окно возможности решения конкретной творческой исторической задачи может возникнуть на короткий промежуток времени, как пример можно привести разговор Папы Римского Льва Великого и Атиллы в 452 году, который остановил беспрецедентное вторжение в Римскую Империю не оружием, а словом.

Подход к истории как к череде творческих исторических задач и ответов основывается на следующих концептах:

История человечества имеет общую единую цель — восхождение от разобщенности к тотальному единству.

История не совершается, ее творит человек — признание ответственности за исторические события, вместо переноса ответственности на надличностные силы, будь то Бог или закономерности исторического процесса.

Восприятие истории как незавершенный творческий проект человечества. История не есть циклический повтор событий, которые носят акцидентальный

характер по отношению к некоей неизменной субстанции истории. Все события важны и уникальны, поскольку они есть результат творческой активности человечества.

Концепт творческих исторических задач Н. А. Бердяева есть следствие его взглядов на природу бытия. Он отходит от христианской догматики и заявляет о раздвоенности субстанции: иррациональное темное начало, Бердяев ссылается на немецкого мистика Якоба Беме (1575-1624) и его концепт Ungrund, и божественный логос, просветляющий темное начало. Мир — это страдание Бога в просветлении темного начала. История же – продолжение божественного дела руками человека: “Земная судьба предопределяется небесной, в небесной жизни совершается трагедия просветления и избавления через Божественные страсти, трагедия, которой определяется процесс просветления в истории мира.” [31, с. 58]

История делится на три этапа. Этап закона, Отца — период ветхого завета, обличение греховности человека. Этап откровения, Сына — откровение спасительной, искупительной природы Бога. Этап творчества, Духа — осознание человечеством своей творческой потенции, начало установления власти над миром. Бердяев разбожествляет мир, устанавливает примат человека в истории, смещает акцент с ответственности Бога за зло мире на ответственность человека, антроподицея заменяет теодицею : “В известном смысле у Бога меньше власти, чем у полицейского, солдата или банкира. И нужно перестать говорить о Боге, как говорят о Божьем Промысле, как говорят об управлении государствами этого мира” [11, с. 47].

Итак, история определяется как пространство воплощения творческой активности человечества в достижении восхождения по иерархическим уровням объединения, от конкретной личности до вселенской соборности.

Подход к истории как к череде творческих исторических задач и ответов основывается на концептах общей цели человечества, ответственности человека за исторические события и истории как незавершенном творческом проекте человечества. Международные конфликты суть воплощение творческой

активности человека, хоть при первом взгляде они видятся как решения политических интересов конкретных стран, они в масштабе всей истории направлены на достижения вселенского единения.

1.4 Национализм и Империализм.

Для полноты концепции истории как восхождения к вселенскому единству необходимо обозначить принцип, обосновывающий борьбу в материальных причинах. Борьба на мировой арене в эпоху жизни Н. А. Бердяева, по его мнению, развивается между двумя векторами развития исторической субъектности.

Основными формами исторических субъектов является Национализм и Империализм. Это два иерархических уровня бытия на пути к соборной личности всего человечества. Видовое различие заключается в том, какую тенденцию эти формы в себе несут. Национализм строится на принципе индивидуализации, империализм – на принципе универсализации.

Национализм стремится к выделению исключительности, поэтому всегда находится в оппозиции противопоставления себя другой идентичности. В отношении противопоставления обнаруживаются характерные черты определенной исторической субъектности. Национализм имеет положительное значение для истории, т.к. он сохраняет культурное многообразие человечества: “Национализм есть положительное благо и ценность, как творческое утверждение, раскрытие и развитие индивидуального народного бытия.” [17, с. 183] Национализм обращается к темным доисторическим началам: ощущения патриархальной почтительности, общинной солидарности, мифической прародины. Бердяев заявляет о непреходящем статусе нации: “Нация есть динамическая субстанция, а не преходящая историческая функция, она корнями своими вырастает в таинственную глубину жизни” [18, с. 170]

Империализм существенно определяется в экспансивной политике – стремление к расширению границ и включению других исторических субъектов.

Империализм различаются в зависимости от духа титульного народа, например германский империализм — это замаскированный немецкий национализм, возникший на прусских военных традициях; британский империализм — деятельное преобразование окружающего пространства с целью максимизации прибыли. Империализм есть восхождение на ступень выше человеческого единству: “Империалистическая воля пролила много крови в человеческой истории, но за ней скрыта была идея мирового единства человечества, преодолевающего всякую национальную обособленность, всякий провинциализм.” [16, с.194]

Трагизм истории необходимым следствием имеет империалистическую борьбу. Объединение человечества требует выделение отдельных народов над основной массой человечества. Они выполняют роль предводителей, хранителей и распространителей культуры. Без империй история человечества была бы историей разобщенности, без централизованной власти невозможно установление прочных политических, экономических, культурных связей между народами. Империя — это мир.

Империализм важно четко отделять от космополитизма, первый сохраняет существенные черты своей уникальности, второй стремится к размытию всех различий. Космополитизм обращается к негативности, к ничто, отрицанию, поэтому он не может служить к развитию культуры, т.к. в нем нет творческой потенции, а только негация качеств. Империя же не стремится к размытию границ, она стремится к сосуществованию различных исторических субъектов.

Бердяев считает, что борьба на мировой арене в эпоху жизни развивается между двумя векторами развития исторической субъектности: национализмом и империализмом. Национализм строится на принципе индивидуализации, империализм — на принципе универсализации. Национализм сохраняет культурное многообразие человечества, а империализм стремится к объединению человечества и установлению прочных связей между народами. Империализм важно отделять от космополитизма, который не может служить развитию культуры, т.к. он обращается к негативности и отрицанию.

2. Война как решение творческих исторических задач на примере России

2.1 Природа русского духа, проблемы и возможности.

Тема войны в публицистике Н. А. Бердяева неразрывно связана с его размышлением о судьбе России, каковы ее место и роль в истории. Он был уверен, что Россия имеет исключительное значение для мировой истории, но ее предназначение мешают осуществить проблемы, коренящиеся в природе русского духа. Бердяев считал, что война должна сыграть ключевую роль в преодолении внутренних проблем, последовательно развивая свой взгляд на историю на частном примере России. Обратимся к его рефлексии о русском духе, чтобы выделить те проблемы, которые должна преодолеть война.

Бердяев утверждает, что идентичность России не определяется только ее политикой или экономикой, но и ее уникальным духовным наследием. Рассуждения Бердяева о русском духе похожи с рассуждениями М. Вебера о природе духа человека западноевропейского в указании зависимости отношения человека к обыденной жизни от религиозного мироощущения. Если западный европеец ищет доказательства наличия в его жизни благодати, а значит и спасения, в том, насколько успех сопутствует его жизни, то русский человек, по мнению Бердяева, ищет абсолюта, святости, но этот поиск оборачивается лишь преклонением перед святостью [9, с. 33], русский человек не смеет притязать на обладание святостью. “Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалится о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утolenия.” [9, с. 37] Русский дух – это дух вечно ищущего странника “Русскую жажду праведной жизни, жизни, освобожденной от этого мира, жажду жизни в Боге, но искаженную и болезненную.” [8, с. 262], поэтому не обретший еще своего места в истории.

Первое свойство русского духа, которое определяет другие качества, — амбивалентность, противоречивость. Бердяев характеризует Россию как нацию,

полную противоречий. Он подчеркивает сосуществование богатства и нищеты духа, любви и жестокости, свободы и подчинения: “Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христе (Великий Инквизитор) мирится с рабьей покорностью. Не такова ли и сама Россия?” [9, с. 25].

Противоречивость выражается во всех аспектах жизни русского человека. Напряженность между государственной властью и индивидуальностью в России. Русский народ долгое время жил в условиях строгой иерархии, где каждый должен был знать свое место и не выходить за рамки установленных правил. Бердяев описывает российское бюрократическое государство как общность, которая живет по своему закону и не желает обрести общее дело с народом. Русские люди, с другой стороны, аполитичны и анархичны, отвергая государственную власть и политические действия. “Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты – все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм – явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым” [9, с. 22]

Подобное же противоречие можно найти в отношении к национализму. Русский народ стремится к вселенской соборности, стремится быть опорой в борьбе за свободу других народов, с другой стороны, народы родственные русским подвергались гонениям, а идея вселенской соборности оборачивалась исключительностью веры: ”Русское национальное самомнение всегда выражается в том, что Россия почитает себя не только самой христианской, но и единственной христианской страной в мире” [9, с. 31]

Противоречивость русского духа основывается на его стремлении к абсолютному, русский человек не стремится к полумерам, он способен только к

абсолютной добродетели, либо к абсолютному греху. Отсюда вытекает неприемлемость среднего, обыденных вещей, у русских не развито деятельное отношение к окружающему миру, они не стремятся его преобразовать. “Всякий человеческий идеал совершенства, благородства, чести, честности, чистоты, света представляется русскому человеку малоценным, слишком мирским, средне-культурным. И колеблется русский человек между началом звериным и ангельским, мимо начала человеческого. Для русского человека так характерно это качание между святостью и свинством.” [25, с. 141] Накопительство презирается в согласии с традициями нестяжательства, над ощущением личной ответственности преобладает фатальное смирение и принятие: «Дуалистическое религиозное и моральное воспитание, - писал он, - призывавшее исключительно к смирению и никогда не призывавшее к чести, пренебрегавшее чисто человеческим началом, чисто человеческой активностью и человеческим достоинством, всегда разлагавшее человека на ангельски-небесное и зверино-земное, косвенно сказалось теперь, во время войны. Святости все еще поклоняется русский человек в лучшие минуты своей жизни, но ему недостает честности, человеческой честности» [13, с. 203].

Здесь мы обращаемся к другой плоскости, в рамках которой Бердяев рассуждает о русском духе, — это соотношение мужского и женского начала. В данном контексте мужское начало — это деятельное начало в духе исторического субъекта, обозначающее инициативность, рациональность, созидание; женское начало, напротив, означает начало перцептивное, воспринимающее, выражающее интуицию, чувственность, индивидуальность и мистическое ощущение жизни.

Россия воспринимает мужское начало как трансцендентную силу, а не имманентную. Это может указывать на то, что русские считают себя подверженными провиденциализму божественной силы, в противовес осознания значения своей творческой потенции, поэтому все, что является мужественным, освобождающим и формирующим в России, на самом деле не русское, а иностранное.[9, с. 42] Это указывает на то, что русские не считают себя

полностью ответственными за свои действия и что они направляются внешними силами.

Преобладание женского начала у русских объясняется Бердяевым излишней боязнью греха : “Русская душа испугана грехом», и я бы прибавил, что она им ушиблена и придавлена. Этот первородный испуг мешает мужественно творить жизнь, овладеть своей землей и национальной стихией.” [5, с. 84] Следствием такого мироощущения явился запрос на духовное заимствование культур с развитым мужским началом, но заимствование оказывалось на протяжении истории не творческим, а слепым подражанием с риском утраты своей идентичности. Бердяев для описания характера России использует метафорический образ России-невесты, которая ждет зарубежного жениха, чтобы он навел порядок в быту. На этом основании и возникает разрыв между централистическим бюрократизмом государства и темным провинциализмом народа — склонность русского народа жить в национальном-стихийном коллективизме, а не признавать ценность индивидуальности и личного достоинства, приоритет заботы о коллективном благе над индивидуальным счастьем.

Преодолеть этот разрыв, а также развить мужское начало должна не интеллигенция, которая уже несколько веков пытается грубо насадить зарубежный образ мышления на русскую почву, либо слепо ищет идеалы России прошлой. Русская национальная мысль грешит провинциализмом и не может ответить на вопросы, которые приносит с собой новый день всемирной истории. Западники и славянофилы одинаково не годятся для преобразования русского духа, они слишком оторваны от опыта жизни русского человека, а их мышление орудует объективированными схемами. “Ныне должна проснуться не интеллигенция, не верхний культурный слой, не какой-нибудь демагогически развиваемый класс, а огромная, неведомая, народная, провинциальная, «обывательская» Россия, не сказавшая еще своего слова. Потрясения войны способствуют этому пробуждению.” [25, с.135] Здесь проявляется прошлый интерес Бердяева к социализму и его неприятие объективированного мышления.

По его мнению, нельзя научить народ ценностям, находясь над народом. Ценности личности, деятельного отношения к миру народ должен осознать и прочувствовать сам, он должен их выстрадать.

Бердяев описывает противоречивость русского духа, который стремится к абсолютному и не приемлет среднего, у которого также не развито деятельное отношение к окружающему миру. Русские считают себя подверженными провиденциализму божественной силы, а не имманентной, и не считают себя полностью ответственными за свои действия. Бердяев также говорит о разрыве между централистическим бюрократизмом государства и склонностью русского народа жить в национальном-стихийном коллективизме, а не признавать ценность индивидуальности и личного достоинства.

2.2 Роль России в истории человечества. Мессианство России. Мост между Западом и Востоком.

Н. А. Бердяев был противником отвлеченного мышления европейской мысли, которая после критики немецкой классической философии вернулась на пути схоластики “Сомнения гносеологов — чисто словесные сомнения. Номиналистическая схоластика — вот что такое гносеологические исследования трансцендентного.” [32, с. 91] Философствование требует наличия живого опыта для осмысления, особенно важно это по отношению к войне. Опыт, в контексте которого Бердяев размышляет о войне, — это опыт переживания за будущее России, ее места в истории.

Проблема развития в русском духе мужского начала явилась частной исторической творческой задачей, решение которой есть необходимый шаг на пути к осуществлению глобальной цели мировой истории — международного синтеза. Выполнение этой сверхзадачи Бердяев описывает как мессианское предназначение России, притом подчеркивая, что русское мессианство не должно обернуться мессианством иудейского толка, которое конституируется на

идеях богоизбранности и исключительности, мессианство русское должно быть жертвенным, потому что в жертвенности преодолевается зацикленность человека на обыденном. Вышеупомянутый страх русского человека перед грехом укрепляет власть греха в жизни, человек смиряется с повседневной, мирской жизнью. Смирение ведет к забвению человека, его творческого потенциала, смирение – это признание власти необходимости греха. Русский человек, привыкший к смирению, не привык противиться греху, идеалы чести и благородства не развиты, потому что они требуют борьбы за свое существование. Это усугубляется русским стремлением к абсолюту: явный конфликт между реальностью и идеалами обусловлен тем фактом жизни, что в природно-историческом процессе преобладает среднее и относительное, непринятие которых русским человеком вводит его под их власть; неспособность же реализовать свое стремление к свободе воплощается усилением ненависти и вражды. “Русский дух, устремленный к абсолютному, не овладевает сферой относительного и серединного, и готов отдаться во власть внешних сил.” [9, с. 45] Только свободный акт может преодолеть грех, жертвенность — это путь освобождения. “Истинный русский мессианизм предполагает освобождение религиозной жизни, жизни духа от исключительной закрепощенности у начал национальных и государственных, от всякой прикованности к материальному быту” [9, с. 54]

Закрепощенность у начал национальных выражается в ощущении русским народом себя щитом единственно истинной веры, что мешает выстраивать диалог с другими христианскими странами и не дает возможности увидеть правды у иных народов, как пример Бердяев приводит трагедию непонимания польского народа. Закрепощенность же у начал государственных выражается во власти централизованной бюрократической системы, которая даже не отчужденная, а только чуждая, поскольку она выстроена по лекалам германских государственныхников. Также русская Церковь оказалась во власти государства и стала оплотом веры охранительной, вместо веры спасительной. В итоге отрешенность, смирение русского человека приводит к ситуации, когда русские

готовы терпеть жестокость государства поскольку оно есть относительное, несущественное, а единственно существующее — абсолютное, священное государство Бога. Здесь рассуждения Бердяева схожи с критикой Фридриха Ницше влияния идеального в жизни человека, когда идея о некоей трансцендентной ценности определяет летаргический образ жизни здесь и сейчас. Однако Бердяев исходит из другой посылки: бездействие в наличном мире неприемлемо не потому, что это единственная реальность, для него этот мир — это воплощение греха, бездействие губительно поскольку оно отдает человека во власть греха, предназначение человека — это творческая активность, его богоподобная черта. “Вся природная и историческая жизнь есть лишь сфера относительного — являющегося, и абсолютное в этой жизни можно лишь символически постигать. Абсолютизация же всего природного и исторического есть рабство и ложь. История и все историческое должно быть принято именно как сфера относительного — раскрывающегося из глубины абсолютного и именно потому не могущего быть поглощенным абсолютным и внешне-трансцендентно подчиненным абсолютному. История есть лишь то, что полагается изнутри абсолютного, а никак не то, что внеположно абсолютному и должно быть ему извне подчинено и им поглощено. Весь мировой процесс со всей его относительностью есть лишь внутреннее явление в абсолютной божественной жизни.” [19, с. 136]

Итак, мессианство России — это путь творческой активности. Россия должна осознать свою миссию в истории — стать объединительницей народов. Несмотря на имперский статус, Россия чувствовала духовную изолированность, до сих пор она оставалась лишь провинцией Европы. Запад считается с политическим влиянием России, но не видит духовного ядра России, по отношению к которому политика — это поверхностное. Национальная идея колебалась между переформатированием своей идентичности через копирование черт европейского духа, будь то германский, французский, греческий, и обращением к старине как источнику и основанию своей особенности. Ничто из этого не было творческим подходом, поскольку это было лишь обращение уже к

готовым решениям, задачи, стоявшие здесь имели лишь практический характер: как установить желаемым образ России с учетом современных обстоятельств. Истинно творческой задачей будет установление русского духа имманентным духу европейскому, что требует пробуждения всего русского народа, активизации его творческих сил с одной стороны, и осознание значение роли других исторических субъектов, окончание притязаний на обладание единственной истины в своей вере.

Форма, в которой должно осуществиться предназначение России в истории, — мост между Западом и Востоком. Противостояние Запада и Востока — главная проблема на пути всеобщего объединения человечества, Фаустовский — деятельный дух Европы, стремящийся к овладению, и созерцательная природа Востока стали двумя столпами в стене непонимания. Один рассматривал другого объектом, которым необходимо овладеть, другой в свою очередь, противостоящие ему силы видел варварскими. Только Россия унаследовала византийский статус перекрестка культур, в отличие от Турции, значением в истории которой оказалось еще большее изолирование Европы от Востока, что привело к углублению непонимания двух полюсов человечества.

Россия на протяжении истории чувствовала угрозу и фактически испытывала её осуществление со стороны как Запада, так и Востока, что обусловило вектор ее исторического развития — активная защита, через экспансию до географических, натуральных преград. В итоге, Россия стала пространством объединения многих народов, но политика русификации ставит под угрозу единство страны, побуждая национальные меньшинства к восстаниям. “Потенциальные силы России должны быть обнаружены, подлинный лик ее, который доныне все еще двоился, — раскрыт миру. Это, во всяком случае, должно произойти если не путем победоносной силы и прямого возрастания мощи, то путем жертвенного страдания и даже унижения.” [10, 229 с.]

Бердяев выступает против глобального “котла смешения” культурных традиций Востока и Запада, аргументируя свое мнение необходимостью

сохранения идентичности каждой из них. Он предупреждает об опасности образования однородной "культурной среды", распространяющейся по всему миру. Бердяев считает, что результат синтеза должен содержать четкое выявление форм различия культурных идентичностей и глубокую внутреннюю дифференциацию.

Итак, мы обозначили необходимые для понимания рассуждений Бердяевым о войне особенности русского народа и его места в истории, он не размышлял о войне отвлеченно, как предмет социологического или политологического исследования, потому что это противоречило его гносеологической позиции, философствовать о чем-то можно только конкретно, в его случае, его представления о войне есть результат осмысления опыта переживания за судьбу России, как о способе России раскрыть свой потенциал и обратиться к осуществлению своей исторической задачи. Война не только должна преодолеть эти проблемы, но и способствовать развитию русского духа. Война должна выявить и усилить дух нации, привести к единству и солидарности. Бердяев считает, что русская культура имеет свои особенности, которые делают ее уникальной и отличной от других культур. Война может стать мощным стимулом для сохранения и развития этих особенностей. Таким образом, война не только должна помочь преодолеть внутренние проблемы, но и стать новым этапом в развитии русской культуры.

Николай Бердяев рассуждает о мессианстве России, ее исторической миссии и месте в мировой культуре. Он призывает к творческой активности и сохранению идентичности русской культуры, а также предупреждает об опасности глобального смешения культурных традиций Востока и Запада. Бердяев считает, что война может стать мощным стимулом для развития русской культуры и единства нации.

2.3 Война как катализатор изменений

До этого место войны было показано в историческом процессе, теперь необходимо указать ее функциональные особенности. Рассмотрение проблемы войны в трудах Н. А. Бердяева разворачивается на основании вопроса: “Как кризис может стать возможностью изменений?”. Он не видит решения вековой проблемы инертности русского народа внутри России: государство, несмотря на демократические реформы, все еще оставалось чуждым народу, национальная идея не выходит за рамки темного провинциализма, народ не выработал в себе идеалов человеческого достоинства. Стагнацию духа русского народа должен разрушить кризис, который бы касался всех слоев общества, принуждающий их к пробуждению от бездеятельности. С таким настроем Бердяев встречает Первую мировую войну.

Первая мировая война имеет исключительное значение для решения вышеупомянутых проблем по следующим своим особенностям.

Тотальность этой войны определяет масштаб активизации ресурсов государства, война такого уровня требует экономическую мобилизацию, мобилизацию живой силы, мобилизацию духовных сил. Такая война должна лишить возможности отдельных слоев населения оказаться безучастными. “И даже в эту страшную войну, когда русское государство в опасности, нелегко русского человека довести до сознания этой опасности, пробудить в нем чувство ответственности за судьбу родины, вызвать напряжение энергии. Русский человек утешает себя тем, что за ним еще стоят необъятные пространства и спасут его, ему не очень страшно, и он не очень склонен слишком напрягать свои силы. И с трудом доходит русский человек до сознания необходимости мобилизовать всю свою энергию.”[21, с. 123] Идеалом национального единения выступает ополчение Минина и Пожарского, — пример в русской истории самоорганизации народных сил, объединения различных слоев населения, разных этнических групп перед лицом внешней угрозы.

Другой особенностью Первой мировой войны является столкновение Славянства и Германизма. Для России это шанс выйти из под влияния стран Западной Европы: “Война должна освободить нас, русских, от рабского и

подчиненного отношения к Германии, от нездорового, надрывного отношения к Западной Европе, как к чему-то далекому и внешнему, предмету то страстной влюбленности и мечты, то погромной ненависти и страха.”[9, с. 46], Война — это шанс для России установить свое собственное, независимое значение, стать освободительницей славянских народов.

Важный моментом, по мнению Бердяева, является осознание преобразовательной силы войны, но он подчеркивает, что преобразовательная сила не существует в одновекторной, прогрессивной форме. Война — это возможность, потенция преобразований, характер же преобразований зависит от того насколько страна сможет подготовиться к вызовам, как отреагирует народ на вызов. При неадекватном ответе на вызов исторического кризиса: когда не будет достигнуто осознание того, что война — это общее дело, когда крестьянин, рабочий, коммерсант, чиновник не смогут в одинаковой мере осознать ответственность за судьбу своей страны; когда войны не перестанут рассматривать в контексте обогащения, когда элиты не перестанут ставить личные цели выше целей государства; когда война не перестанет быть катализатором борьбы за власть, где амбиции и зависть отдельных лиц будет решать судьбу миллионов; когда интеллигенция не перестанет мыслить готовыми схемами-решениями, — тогда русский народ может обнаружить себя в ситуации падения. Борьба против духовного рабства перед Западом результатом будет иметь рабство ненависти к врагу, рабство шовинизма. Освобождение народов обернется попыткой установить контроль над освобожденными. Русский народ обратится к своему звериному полюсу крайностей. В итоге, вместо единения народа, будет его еще большая дифференциация

Соответственно преобразованиям на уровне государства война является возможностью изменений на личностном уровне, сохраняя свою амбивалентность осуществления потенций. Война может развивать идеалы доблести, чести, самопожертвования, также может опускать человека до звериной жестокости, предательства, слабодушия.

При первом приближении к взглядам Бердяева о войне его можно охарактеризовать как милитариста на основании указания им позитивного значения войны, можно найти схожесть идей о преобразовательной силе войны в пространстве духовной жизни с идеями Эрнста Юнгера, однако Бердяев указывает на отрицательную природу войны: “Нужно помнить, что природа войны отрицательная, а не положительная, она – великая проявительница и избличительница. Но война, сама по себе, не творит новой жизни, она – лишь конец старого, рефлексия на зло. Обоготворение войны так же недопустимо, как недопустимо обоготворение революции или государственности. [27, с. 80], и указывает бесценность человеческой жизни: “Великая христианская истина, что душа человеческая стоит больше, чем все царства и все миры” [27, с 85]. Более того, Бердяев резко критикует безответственную романтизацию войны: “Кабинетное, идеологическое обоготворение стихии войны и литературное прославление войны, как спасительницы от всех бед и зол, нравственно неприятно и религиозно недопустимо. Война есть внутренняя трагедия для каждого существа, она бесконечно серьезна.” [27, с. 80]

Война — это проявление греховной природы материального мира, но из-за этого, по мнению автора, не следует, что ее необходимо избегать, весь мир — это пространство творчества, война включена в него, “Война, в которой действуют чисто материальные орудия и которая предполагает материальную мощь, может и должна быть рассматриваема как духовный феномен и оцениваема как факт духовной действительности” [3] Признавая, греховность материального мира, Бердяев не обращается к его отрицанию — бегству от мира. Мир ужасен и жесток, но такова его трагическая природа. Война — порождение зла и его преодоление, потому что она становится необходимым раздражителем для активизации творческих сил, заставляя обычного человека пробудиться от закрепощенности у относительного и обратиться к созданию ценностей.

Христианское религиозное мышление Бердяева воплощается в обнаружении у войны функций Божественного провидения:

Война — избличительница. Война обостряет противоречия внутри общества, обличает слабость духа народов и дух отдельного человека. “Война лишь проявляет зло, она выбрасывает его наружу. Внешний факт физического насилия и физического убийства нельзя рассматривать, как самостоятельное зло, как источник зла. Глубже лежат духовное насилие и духовное убийство.” [15, с. 298] Война, по его мнению, может помочь людям увидеть истинную картину мира, которую они не могут увидеть в обычной жизни. Он считал, что война может помочь людям понять, какие ценности в действительности являются важными и какие из них не имеют значения, поскольку война создает ситуации потерь и лишений — разрушение привычного потока жизни и замещение его ощущением неопределенности и неизвестности; только те ценности, которые сохраняют свое значение при смене войной мироощущения, можно считать истинными.

Война — кара. Он считал, что война может нести наказание народов за их грехи и несправедливости; война необходима для того, чтобы народы осознали свои ошибки и приняли новые моральные ценности, в своих работах Бердяев подчеркивал, что война может быть инструментом для восстановления порядка и справедливости в обществе., — это случаи конкретных исторических событий. Также война может восприниматься карой за греховность самой человеческой природы, война есть кара за грех и его напоминание.

Война — искупительница. Война — это путь жертв и страданий, война — это крест человечества, который оно несет на протяжении всей истории. Война побуждает людей осознать свои ошибки и раскаяться в них. “Война горьким опытом своим научает тому, что народ должен стяжать в себе положительную силу и мощь, чтобы осуществить свою миссию в мире“ [5, с. 94] При этом, война может быть не только искуплением грехов отдельных людей, но и всего общества. Падший человек своей жертвой на войне может искупить свой грех мирской в силу обращения к вселенской истории, его грех в обыденности преодолевается в вкладе в всеобщую историю. Бердяев считал, что война может помочь людям очистить свои души, пережить опыт напряжения духовных сил.

Война — очищение. Война вынуждает общество адаптироваться к возникающим угрозам, что подразумевает устранение паразитирующих элементов общества, вред некомпетентных лиц на постах в условиях кризиса особенно выражен, что вызывает у общества запрос на их устранение. Очищению подлежат ложные идолы, образы жизни, ведущие к деградации.

В итоге, война в смысле возможности для изменения, разрушения устоявшихся правил и ценностей, Бердяевым рассматривается через призму религиозного символизма. Война становится судьей и палачом. Значение процессов, возникающих вследствие войны, разделяется на две части: значение для эмпирической реальности и значение для духовной реальности, к которой война как знак нас отсылает.

Бердяев указывает на отрицательную природу войны, но признает ее возможность как духовного феномена и инструмента для активизации творческих сил, показывает значение войны в преобразовании русского духа. Он обнаруживает у войны функции Божественного провидения, включая ее роль как изблительницы, кары, искупительницы и очищения. Однако, Бердяев критикует безответственную романтизацию войны и подчеркивает бесценность человеческой жизни.

2.4 Война - путь осуществления исторической задачи

В предыдущем параграфе была проанализирована роль войны в контексте ее способности активизировать изменения в рамках конкретной исторической субъектности. Однако, возникает вопрос: каково значение войны в контексте всего человечества?

Важным моментом, необходимым для понимания представления Бердяева об истории, является эсхатологический вектор движения истории, который совмещен с исключительной ответственностью человека за события истории. Тут мы можем обнаружить противоречие: эсхатология, обычно подразумевает

воплощение Божественного плана истории, с пассивной ролью человека, сфера возможностей человека ограничена его реакцией на возникающие события как испытания на пути спасения его души. Противоречивость своего мышления Бердяев объясняет непринятием гнозиса критической философии, который, по его мнению, неправомерно исключает значимость религиозного опыта, в котором нет противоречия между Божественным абсолютом и бессилием Бога в эмпирической реальности.

История — это движение к тотальности человечества в объединении и во власти, которое осуществляется через осознание и овладение творческими силами. Война же стимулирует это движение: “Мировая война до последней степени обостряет вопрос о мировом устройстве земного шара, о распространении культуры на всю поверхность земли” [13, с. 203]. Отсюда вытекает парадоксальное заявление Бердяева об объединительной силе войны: “Через ужас войны и зло колониальной политики, через борьбу рас и национальностей совершается объединение человечества и цивилизование всего земного шара.” [13, 216] Война является частным, но сильным проявлением фундаментального принципа борьбы в истории

Мировая война – это абсолютизация борьбы принципов индивидуализации и универсализации. Она вызывает национальные и расовые вопросы, борьбу за господство различных империализмов, которые казались преодоленными космополитизмом, пацифизмом, гуманитарными и социалистическими учениями. Индивидуализация народов, прошедших опыт романтизма и весны народов XIX века с одной стороны, и универсализация империй, которые подчинили известное пространство земного шара и ищут способ к пересмотру установившегося мирового порядка, с другой стороны: “Можно сказать, что человечество идет к единству через национальную индивидуализацию. — Параллельно индивидуализации в национальном существовании идет универсализация, развитие вширь. И можно также сказать, что ныне человечество идет к единству и соединению через мировой раздор войны, через длительное неблагополучие, в период которого мы вступаем.” [13, с. 208]

Мировая война становится причиной смены баланса сил в мире. Тенденция к индивидуализации воплощается в возникновении новых очагов сопротивления колониальной политике Европы. Возникает другое обоснование идентичности исторических субъектов, сущность которого заключается в противопоставлении себя универсализации определенной империи. Само непринятие возможности включения себя в общность, которая иерархически выше. Выстраивание идентичности на темном источнике — ощущениях национальных и расовых особенностей.

Набирают влияния другие очаги силы. Бердяев во время Первой мировой войны уже видел возрастание влияния США и Китая: “Американизм новейшей цивилизации тянет Европу в Америку. Восток — один выход за пределы европейской культуры, Америка — другой выход.”

Смена баланса материальных сил сопутствует смене сил в духовном пространстве. Война снимает покров цивилизации XIX и XX вв. и обнажает более глубокие пласты человеческой жизни. Европа утрачивает свое влияние и значение, а вместе с ними и ее идеи и ценности, которые привели к войне: “Империализм со своей колониальной политикой был лишь внешним, буржуазным выражением того неизбежного всемирно-исторического движения, которое мы предвидим. Внутренне этот исторический поворот подготовился духовным кризисом европейской культуры, крахом позитивизма и материализма новейшего европейского сознания, разочарованием в жизни, жаждой новой веры и новой мудрости. Европа перестанет быть центром мировой истории, единственной носительницей высшей культуры”. [13, с. 217] Война явно указала на заблуждения просвещения о разумной природе человека, о возможности вечного мира. Миру открылась иррациональность, хаотичность человека, истинная жестокость оказалась сильнее моральных представлений о доброй природе человека. Варварство обрело верх над цивилизацией. Накапливающая богатство на колониях Европа, выстроила буржуазный идеал жизни на основе концепта “свободы от”, установились идеалы мещанства, филистерства, эгоизма, уродства эмпатии; однако, вместо того чтобы раствориться в относительной

обыденности, в человеке пробудилась жажда к насилию и разрушению. Мировая война уничтожила мифы Европы о природе человека, об отвлеченном прогрессивном характере истории, о вечном мире, выстроенном на буржуазном мироощущении, о “гуманной” войне. Был уничтожен миф Европы о Европе — центра мира.

Европа всегда была убеждена в своем превосходстве и стремилась стать учителем для всего человечества, однако при этом неизбежно использовала свою силу. Хотя Европа, как и любой другой регион, имела свои уникальные культурные особенности и наследие, ее идеологический строй в течение многих лет основывался на принципах превосходства и категорического отрицания других культур. В результате Европа начала воспринимать свой образ жизни как экспортный товар и насаждать его в других культурах. Это привело к утрате уникальных культурных особенностей других народов и созданию иллюзии о превосходстве западного образа жизни. Вместо того чтобы объединять человечество, это лишь приводило к внешнему подражанию, сохраняя внутреннее содержание и особенности неизменными.

Угроза мирового духовного доминирования со стороны Европы является признаком начала новой эпохи в истории. Мировая война вынуждает как создавать новые нации, так и уничтожать старые. Это касается и Европы. Николай Бердяев не является противником западной культуры, наоборот, в современной Европе он видит проявление гордыни. Война же является шансом для избавления от греха и осознания ценностей других культур, что требует от них силы, чтобы Европа была вынуждена с этим считаться.

Новая историческая эпоха приближается к цели всеобщего объединения через преодоление противоречий: "Историческая эпоха, в которую мы вступаем, требует органического соединения национального сознания с универсальным сознанием, то есть определения мирового призвания национальностей" [13, с. 216]. Россия способна на этот синтез: национальное начало воплощено в идеале русского человека как всемирного человека, а направленность империализма заключена в идее освобождения и защиты славян. Здесь должен осуществиться

переход от идеала всемирного человека внутри нации к защите образа всемирного человека на имперском уровне. Россия должна избегать ощущения превосходства над народами, которое мы встречаем в Европе, поэтому Россия должна начать внушать любовь к себе, пересмотреть свою политику русификации и победить дух провинциальной исключительности и самоутверждения [16, с. 197].

Таким образом, для Николая Бердяева Мировая война разрушает старый миропорядок, а вместе с ним старые идеалы и ценности. Мировая война выводит на мировую арену Россию из провинциального состояния, принуждая ее пробудить в себе творческие силы и осознать свое предназначение в истории. Россия сталкивается с вызовами и возможностями, на которые должен ответить ее путь развития.

Война разрушает старый миропорядок и старые идеалы, выводит на мировую арену Россию, принуждая ее пробудить в себе творческие силы и осознать свое предназначение в истории. Николай Бердяев видит угрозу мирового духовного доминирования со стороны Европы, которая стремится стать учителем для всего человечества, но при этом неизбежно использовала свою силу. Европа должна избегать ощущения превосходства над народами, а Россия должна начать внушать любовь к себе, пересмотреть свою политику русификации и победить дух провинциальной исключительности и самоутверждения. Война дает возможность снятию противоречия между принципами индивидуализации и универсализации в установлении России в роли моста между Востоком и Западом.

2.5 Изменение взглядов на феномен войны после Октябрьской революции и эмиграции.

На Николая Бердяева значительное влияние оказали Революция и сопутствующая ей гражданская война в России. Он был свидетелем

осуществления своих тревожных предчувствий о будущем страны, что сильно повлияло на его взгляды и понимание происходящих событий. Бердяев увидел взаимодействие между международной революционной идеей и русской национальной психологией. Он считал, что марксизм обладает большой силой благодаря своей глобальности, научной форме и способности мобилизовать народную волю. В своих работах Бердяев добавлял свои идеи к марксистской теории, раскрывая ее закономерности, особенно в отношении отсталых стран, включая Россию. Он утверждал, что Россия была подготовлена к революции именно из-за неразвитости русского народа и интеллигенции.

Бердяев придавал особое значение новизне и непривычности марксистской идеи, считая, что она прорастает в умах народа настолько успешно, насколько она нова и отличается от прежних представлений. В то время как марксисты видели Россию как страну, в которой революция должна была оживить рабочий класс, Бердяев считал, что русский коммунизм стал жертвой русского мессианизма «ортодоксальный» марксизм, который в действительности был по-русски трансформированным марксизмом, воспринял прежде всего не детерминистическую, эволюционную, научную сторону марксизма, а его мессианскую, мифотворческую религиозную сторону, допускающую экзальтацию революционной воли, выдвигающую на первый план революционную борьбу пролетариата, руководимую организованным меньшинством, вдохновленным сознательной пролетарской идеей.” [12. с. 88]. Русская идея, согласно Бердяеву, была пронизана эсхатологическими предчувствиями о конце мира и ожиданиями всеобщего спасения, и марксистская идея была преобразована под эту цель. Именно поэтому Россия, по мнению Бердяева, имеет всемирную миссию в осуществлении вселенского объединения.

Каждая революция представляет собой прорыв духа и способность накопления сил, влияет на национальный дух и вызывает чувство гордости за сам факт борьбы и утверждения новых ценностей. Французская революция закрепила идеи свободы и равенства, а русская революция стала источником

борьбы за социальную справедливость и общую мечту о будущем мире. Однако, Бердяев не признавал революционного насилия в смысле целенаправленного террора. Он считал, что революция — это неизбежное зло, которое нужно пройти и извлечь уроки из него. Тоталитаризм, по его мнению, является ложно направленной религиозной потребностью, против которой следует бороться истиной.

Революция и новый исторический вектор России побудили Бердяева к разработке философии неравенства. Он критиковал идею равенства как пустую метафизическую идею, как диктатуру пустой абстракции. Он был противником не только коммунизма, но и капитализма, рассматривая коммунизм как следствие капитализма. Религиозное сознание Бердяева разделялось на метафизику свободы и мистическую утопию творчества. Бердяев был готов пожертвовать Россией, предавая ее радикальным изменениям.[51]

Первая мировая война разрушила последние представления о войне дворянского типа, когда война велась по правилам чести, раньше войны велись через победы через армии, теперь войны стали вестись через разрушение стран. Новый облик войны, которая была вооружена последними достижениями разума, побудил Бердяева к пересмотру значения войны на становления духов народов и отдельных людей.

Война — это не только внешнее столкновение вооруженных сил, но и внутренняя борьба каждого человека. Он считал, что война начинается и продолжается внутри нас, и ее единственная цель – победа над врагом. При этом он подчеркивал, что война и революция имеют глубокую внутреннюю связь и типологическую близость, их характеризует мистика неопределенности своей судьбы и стихийность неподконтрольных обстоятельств.

Бердяев также обращал внимание на то, что современная война стала "тотальной" и требует максимального вовлечения всех национальных ресурсов. Он утверждал, что война демократизируется [33, с. 48], становится общественной и народной, и что развитие капиталистической экономики влияет на способ ведения войны. Научно-технические достижения способствуют

увеличению военных действий и приводят к массовым жертвам. Пропаганда и манипулятивные технологии увеличивают возможности государства во влиянии на массовое сознание, что приводит к увеличению масштаба войны и масштабы задействованного в войне населения.

В условиях техногенной цивилизации происходит трансформация войны, новые виды оружия изменяют характер войны и разрушают положительные качества формирования личностного, мужественного начала.[43] Пересматриваются старые взгляды на вооружение: “Глубже та истина, что машина умерщвляет материю и от противного способствует освобождению духа. За материализацией скрыта дематериализация. С вхождением машины в человеческую жизнь умерщвляется не дух, а плоть, старый синтез плотской жизни.”[6, с. 389] Героизм, жертвенность, выносливость к страданию воина теперь сталкивается не с теми же духовными силами противника, а с его обезличенной вооруженной мощью, особенно это проявилось в газовых атаках.

Мировая война обострила проблему дегуманизации и деперсонализации народных масс.[43] Враг предстает как недостойный зваться человеком, а потому не имеющий человеческого прав. Масштабность мировой войны поставила на поток производство солдат, человек становится заменяемым ресурсом, обесценивается ценность человеческой личности.

Война не служит интересам людей, а люди существуют для войны. Тоталитарная государственная "машина" и война нацелены на подавление личности. Современная война с использованием разрушительного оружия лишена позитивного смысла и превращается в массовую бойню. Война становится формой аперсонализма [36], стирающего личностные характеристики в индивиде.

Таким образом, Бердяев сменил центр своего внимания на философскую проблематику войны как тесно связанную с социальным строем и духовным

состоянием общества. Он считал, что все, что направлено на разрушение личности, является злом в чистом виде.

2.6 Основные философские проблемы о войне в размышлении Н. А. Бердяева

Феномен войны и насилия является одним из наиболее сложных и многогранных явлений в истории человечества. Изучение войны и ее последствий охватывает многие науки и дисциплины. Прикладная военная наука изучает военную историю, технологии, теории боевых действий и стратегии. Политология изучает политические и экономические отношения между государствами и их взаимодействие на международной арене. Социология и психология устанавливают социальные и психологические факторы, влияющие на решение государств и обществ ввести свои войска в боевые действия. История анализирует прошлые военные конфликты и события, чтобы разобраться в том, что могло привести к войне. Юридические дисциплины регулируют ведение войны, права и обязанности военных, гражданских лиц и государств во время войны. Экономика анализирует экономическое влияние и последствия войны на государства и общество, а также на финансовые затраты на проведение военных действий. Приступая к исследованию взглядов на войну в трудах Н. А. Бердяева, мы должны обозначить особенность философского подхода к феномену войны, проблемное поле, ключевые понятия.

Особенность концепта войны заключается в антиномичности путей осмысления феномена на протяжении истории. Перечислим возможные подходы в анализе феномена войны

Война имеет атрибут сакральности – это конфликт, основанный на религиозных убеждениях, она представляет собой битву за защиту священных принципов и верований. Война – это отражение борьбы в мире горнем, война – это способ обретения божественных сил. Истинные цели войны лежат в трансцендентном плане.

Война имеет атрибут профанности – война не имеет никакой связи с религиозными мотивами, она ведется из-за экономической выгоды или геополитических соображений. Война – это поле для обретения славы – секулярной формы бессмертия. Война – это авантюра конкретных правителей, политических элит, классов, – или реализация целей надындивидуальных образований (наций, народов, государств).

Война разрушительна. Опустошительное воздействие войны на общество и экосистему, сопутствующее изнурительной борьбе, может нанести значительный ущерб окружающей среде, а также привести к длительному кризису в социальной и политической системах. Решение конфликтов через насилие может привести к заикливанию на вражде, защите интересов, а не истинных целей и желаний людей.

Война созидательна. В ходе военных действий происходит не только уничтожение и разрушение, но и создание новых технологий, развитие экономических отношений, а также изменения в социальной структуре. Война вскрывает закоренелые проблемы государства, дает не только возможность, но и указывает на необходимость для политических реформ. На войне осуществляется столкновение культур, цивилизаций, в ходе которого каждая может обогатить свое духовное содержание.

Война может морально оправдана. Война дает импульс к поддержанию идеала деятельного человека, непоглощенного обывательскими проблемами, что в свою очередь должно поддерживать нравственное здоровье общества. Война – действенная мера по защите угнетенных людей, права и свободы личности, идеалов.

Война не может морально оправдана. Насилие как средство, не может вставать адекватно в отношении к желаемым целям, будучи деструктивным фактором. Ценность жизни человек приносится в жертву другим ценностям, враг неизбежно подвергается дегуманизации. Война пробуждает в человеке худшие его качества, приносит боль страдания и разрушение, которые несоизмеримы

желаемым целям даже справедливой войны, а именно способствованию развитию общества в сторону более гармоничного и справедливого общества.

Приведенные выше примеры не исчерпывают всего многообразия оттенков смысла концепта “войны” на протяжении истории мысли, но дают представление о том, насколько противоположны пути осмысления феномена войны.

Описанные антиномичные подходы к осмыслению феномена войны позволяют наметить проблемное поле для возможного философского исследования. Помимо антиномичности подходов, необходимо учитывать и многогранность феномена война, он касается всех отраслей культуры.

Первая ключевая проблема – проблема сущности войны. Трудность заключается в том, что облик войны изменчив. Войны античности значительно отличаются от войн современности. Изменились материально-технические средства боевых действий, изменился их масштаб. Изменилась структура субъектов боевых действий, изменились методы войны. Изменилось пространство войны: войны экономические, войны в виртуальном пространстве, гибридные войны.

Война не ограничивается только боевыми действиями – это состояние всего общества, также она не ограничивается активной фазой, когда эти боевые действия ведутся. Война сопровождает общество в мирное время. Результаты войн прошлого могут простираť свое значение на столетия вперед: образование структуры мировой или региональной безопасности; катализатор социально-политических изменений, источник духовного творчества - от государственных мифов до трудов народного творчества.

Философский подход к вопросу “Что есть война?” должен учитывать многогранность, изменчивость предмета: “Во-первых, на основе применения целостного методологического аппарата философии к анализу конкретного феномена. В этом случае реализуется дедуктивный тип осмысления исследуемого явления.” [53]; “Во-вторых, философия войны может

формироваться на основе саморефлексии военно-теоретического знания путем методологического обобщения военных знаний, взятых во всем их объеме.” [53].

Проблема причин войны. На каких основаниях возникают войны. Как именно возникают войны зависит от многих факторов, таких как политические и экономические интересы, расовые и религиозные различия, территориальные споры, культурные разногласия, идеологические разногласия и т.д. Войны могут возникать из-за конфликтов между государствами, конкуренции за ресурсы или власть, стремления к расширению территорий или доминированию, а также идеологических разногласий. Иногда войны вызываются внешними силами, такими как союзы и альянсы, поддерживающие одну из сторон, военная помощь. Здесь возникает задача под какое основание подвести это многообразие: являются эти причины по своей типологии биологизаторские, естественные, или они суть причины социальные, искусственные. Следующая задача: каким образом эти причины соотносятся с сущностью войны.

Проблема морально-правовой оценки войны. Здесь важно отметить, что данная проблема должна решаться после решения первых двух. Если нарушить последовательность исследования, возникает риск моральной предвзятости, или подмены общего понятия войны, содержанием термина “война” в нормативно-правовых документах. Следует добавить, что решение первых ключевых проблем задаст топику моральной оценки. Например, если отстаивать позицию, что по своей природе война – это феномен социально-исторический, присущий определенному этапу человеческой истории, то такой подход уже будет морально нагружен; война будет представляться как негативная данность, которую следует в ходе прогресса преодолеть.

Обозначив трудности и проблемное поле изучения феномена войны, мы своим следующим шагом установим отправные точки исследования – понятие “война” и понятие “насилие”.

За понятием “войны” мы обратимся к классическому примеру. Карл фон Клаузевиц, немецкий генерал и военный теоретик, определял войну как “продолжение политики другими средствами”; “Итак, война – это акт насилия,

имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.” [49. с. 10]. Он считал, что война является инструментом, который государства используют для достижения своих политических целей. Клаузевиц также считал, что война является высшим проявлением национальной воли и что государства должны быть готовы использовать все силы и ресурсы для достижения победы. Он также подчеркивал важность стратегии, так как упреждающее планирование и разработка хорошей стратегии могут сократить затраты и сохранить жизни. Война в этом определении неразрывно связана с политикой, она ей порождена; характер политики будет определять характер войны.

Мы остановились на выборе этого определения по следующим причинам: главная цель нашего исследования – толкование идей о войне в трудах Н. А. Бердяева, требует от нас диахронического приближения. Бердяев размышлял о войне, когда работы Клаузевица уже были признаны классическими, их можно назвать ядром дискурса о войне на рубеже XIX-XX веков. В обоснование значимости трудов Клаузевица приведем его характеристику русским военачальником и военным теоретиком Андреем Евгеньевичем Снесаревым (1865-1937); он писал в своем труде «Философия войны»: «Много рассыпано было чисто военно-философского содержания в наших учебниках по Стратегии у Леера, Михневича; наконец, трудно найти хотя бы одно более или менее популярное военное сочинение, в котором не было каких-либо касательств к философии войны, начиная со старого и вечно классического труда Клаузевица "Vom Kriege" и, кончая, скажем, книжкой генерала Kessler'a "La Guerre"» [54, с. 57].

К понятию “насилия” мы обратимся в трудах Беньямина Вальтера (1892-1940). Концепт насилия Вальтера Беньямина представляет собой сложную теоретическую конструкцию, в основе которой лежит представление об истории и культуре как о территориях борьбы и конфликта. В рамках данного концепта насилие не является просто физическим воздействием на конкретного человека, но представляет собой социально-политический феномен, влияющий на

формирование культурной идентичности и перспективы развития общества в целом.

Специфика его подхода заключается в рассмотрении феномена насилия через призму соотношения средств и целей. Делаются ли определенные средства насилием в зависимости от моральной приемлемости цели, что позволяет определять насилие либо оправданным (правомерным), либо неоправданным (неправомерным). Или насилие определяется как принцип независимо от целей. Два подхода к насилию соответствуют разделению насилия на мифическое и божественное.

Мифическое насилие – это насилие, определяющееся через дихотомию средств и целей. Тут насилие обретает правоустанавливающие, правоподдерживающие функции. События, совершенные через насилие, закрепляют свой результат вместе с насилием в праве. Таким образом, критерием насилия, или, точнее, ситуаций, допускающих применение насилия, становится выхолощенное насилие, заключенное в праве. Здесь важно, насилие существо не только в форме непосредственного воздействия на субъекта, но и в форме запугивания, очерчивании границ дозволенного.

Божественное насилие – это насилие, находящиеся вне дихотомии средств и целей. Оно правоуничтожающее, оно должно уничтожить порочный круг установления насилия насилием и подготовки почвы для следующего насилия. “Это божественное насилие обнаруживает себя не только в религиозных преданиях, оно скорее являет себя — и в современной жизни — по меньшей мере в одной священной манифестации. Одна из форм его проявления — это воспитательное насилие, которое в своей законченной форме находится вне права.” [4, с. 91.]. Божественное насилие свое влияние устанавливает не через угрозу возможной кары за нарушение установленных правил, а через руководящее установление своей воли.

Определение насилия Бенъямина в нашем исследовании будет служить в решении проблемы морально-правовой оценки войны, ее связи с другими ключевыми проблемами.

Проблема сущности войны в текстах Н. А. Бердяева. Определяющая характеристика войны — ее неотъемлемый статус в историческом процессе. Война — способ осуществления движения истории, которая необходимо содержит в себе конфликты. Необходимость антагонизма в истории обосновывается на религиозно-мистических представлениях о противоборстве темного начала и вышедшего из него Божественного логоса, участь которого в просветлении темного начала. Отсюда вытекает философская антропология Бердяева *homo creatus*, о свободном человеке, обреченном на творчество, в творчестве заключается человеческая сущность, в творчестве же осуществляется продолжение Божественной борьбы с темным началом. [35, с. 36] В самом творчестве уже присутствует насилие, установление творческой воли, разрушение существующего порядка вещей. В войне творчество проявляется двояко: как социальное взаимодействие, в котором творчество осуществляется, так и как негативная, злая необходимость, которую человек преодолевает, используя творческие силы

Проблемы причин войны. Бердяев, заявляя о примате свободы и творчества в человеческой сущности, человека и его историю подчиняет внешнему так же, как Марксизм подчиняет человека развитию производственных сил и производственных отношений, или как Психоанализ подчиняет человека бессознательному. «Именно в духе человек свободен, не чувствует зависимости не только от детерминации природной и социальной, но и от детерминации логического универсализма, т. е. от детерминации природного, социального и логического, родового бытия» [7, с. 217] Из-за творческой атрибутивности человеческой истории вытекает необходимость постоянной изменчивости, которая одной из форм имеет войну. Остальные причины, такие как социальные, биологические, географические, лично-волевые - все они оказываются в подчиненном состоянии у творчества человека.

Проблема моральной оценки. Война является злом, но злом не в традиционном христианском понимании, как недостаток добра, а злом независимо существующем. Однако, такое понимание зла и войны меняет

отношение. Если в христианстве недостаток добра — это следствие внутреннего несовершенства человека, насколько человек далек от Бога, настолько он близок к злу, то зло как приданное становится объектом для борьбы внешней. Зло становится вызовом, вынуждающей силой к борьбе с ним. В процессе в борьбе со злом война, будучи насилием, устанавливает ценности и моральные принципы, которые противопоставляются злу. Исходя из этих же моральных принципов уже происходит новая оценка зла и войны, в частности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования были даны выводы по поставленным задачам:

Было указано, что интерес Бердяева к феномену войны резонирует с его основной жизненной ценностью о свободе человек. Война является как угрозой для свободы, так и пространством ее реализации. Бердяев был свидетелем двух Мировых войн и гражданской войны России, что стало реальной проверкой его идей и ценностей, сохранив верность примату ценности человеческой свободу, он все же пересмотрел значение войны на становления человеческой личности в сторону деструктивного влияния. Хотя ряд его прогнозов не осуществился, он оказался успешен в определении симптомов кризиса духа страны, при этом подчеркивая изоблачительную функцию войны для общества. Врожденная склонность к интуиции в купе с бунтарским характером стали основой, чтобы его позже прозвали «огненным пророком» [44, с. 298]

В центре философии Бердяева находится идея о предсуществовании хаотической свободы не от Бога и идея человеческого духовного преобразования и освобождения. Он признает злую природу насилия и проповедует ценность мира, любви и духовности, однако же он признает необходимость зла в мире и утверждает принцип антроподицеи – оправдание человека посредством его абсолютной творческой способности. В своих работах Бердяев исследует феномен войны в контексте атрибутивности творчества у исторического процесса, основанной на религиозных идеях. Он рассматривает войну диалектически как трагическое явление, противоречащее духовным идеалам и приводящее к разрушению человеческой свободы и гармонии, в то же время как социальное взаимодействие, посредством которого уничтожаются старые и создаются новые ценности, то есть, совершается творчество.

В философии Бердяева война рассматривается как преимущественно негативный феномен, проявление злого начала в бытии. Он обнаруживает у войны функции Божественного провидения, включая ее роль как изобличительницы, кары, искупительницы и очищения. Однако, Бердяев критикует безответственную романтизацию войны и подчеркивает бесценность

человеческой жизни. Указывает на принципы индивидуализации и универсализации как причины конфликтов

Бердяев подчеркивает, что война является необходимой и неотъемлемой частью исторического процесса. Он выступает против идеи, что конфликты и войны можно избежать условием прогресса и развития человечества. Бердяев призывает индивида и коллективы к осознанию своей ответственности за исторические события через осознание причастности к общечеловеческой цели истории – всемирного объединения. Он ищет гармоничное единство с учетом различий и объединение людей, отвергая доминирование одной исторической индивидуальности и размытие отличий в космополитическом подходе.

В общем выводе мы можем указать что концепции творчества ценностей в конфликтах отсылает нас к актуальной проблеме позитивного права, его изменения посредством конфликтов. Симптомологичность войны во взгляде Бердяева дает нам исторический опыт предупреждения катастрофических кризисов. Он не милитарист, поскольку он признает злую природу войны, Он не пацифист, поскольку в пацифизме видит исторический тупик. Его нельзя отнести к направлению справедливой войны, потому он выступал против надления войны смыслом. Его философия войны дает ответы на вопрос правомерности конфликтов, в своем подходе он приближается к направлению политического реализма, признавая силовой метод решений международных и внутригосударственных противоречий как неизбежный (в силу сущности исторического процесса), и как необходимый (в силу духовного аспекта войны).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Iuliu-Marius, Morariu. (2020). Nicolas Berdyaev – The philosophical and political relevance of a spiritual autobiography. HTS Teologiese Studies / Theological Studies. 75(202). 1-5.
2. Mitchell, J. H. The concept of tragedy in the philosophy of Nicolas Berdyaev / J. H. Mitchell. — Ohio. : Bowling Green University, 1952 . - 119 p.
3. Бельков, О. А. Философия войны: слова и смыслы // Власть. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-voyny-slova-i-smysly> (дата обращения: 17.06.2023).
4. Беньямин, В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей / Пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой, Е. Павлова, А. Пензина, С. Ромашко, А. Рябовой, Б. Скуратова и И. Чубарова / Филологический ред. переводов А.В. Белобратов / Редактор Я. Охонько / Составление и послесловие И. Чубаров, И. Болдырев. М.: РГГУ, 2012. – 288 с.
5. Бердяев, Н. А. Война и кризис интеллигентского сознания / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 86—96.
6. Бердяев, Н. А. Дух и машина / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. - С. 469-476.
7. Бердяев, Н. А. Дух и реальность : [монография] / Н. А. Бердяев. — М.: АСТ: Астрель, – 664 с.
8. Бердяев, Н. А. Духовное христианство и сектантство в России / Н.А. Бердяев // Мутные лики: типы религиозной мысли в России. — Москва ; Канон+, 2004.. — С. 255—276.
9. Бердяев, Н. А. Душа России / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 17—65.
10. Бердяев, Н. А. Задачи творческой исторической мысли / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 220—233.

11. Бердяев, Н. А. Истина и откровение : Прологомены к критике Откровения / Н. А. Бердяев //; [Послесл. В. Безносова]; Рус. христиан. гуманитар. ин-т. - СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1996. - 383 с.
12. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма : [монография] / Н. А. Бердяев. — М.: Наука, 1990. - 224 с.
13. Бердяев, Н. А. Конец Европы / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 204—220.
14. Бердяев, Н. А. Космическое и социологическое мироощущение / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 247—259.
15. Бердяев, Н. А. Мысли о природе войны / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 294—306.
16. Бердяев, Н. А. Национализм и Империализм / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 192—204.
17. Бердяев, Н. А. Национализм и Мессианизм / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 178—192.
18. Бердяев, Н. А. Национальность и человечество / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 163—178.
19. Бердяев, Н. А. Новое религиозное сознание и история / Н.А. Бердяев // Мутные лики: типы религиозной мысли в России. — Москва ; Канон+, 2004. — С. 132—139.
20. Бердяев, Н. А. Об отношении русских к идеям / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва : Эксмо, 2007. — С. 148—163.
21. Бердяев, Н. А. О власти пространств над русской душой / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 117—128.
22. Бердяев, Н. А. О жестокости и боли / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 306—315.
23. Бердяев, Н. А. О назначении человека : [монография] / Н. А. Бердяев. — М. : Республика, 1993. - 383 с.
24. Бердяев, Н. А. О правде и справедливости в борьбе народов / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва : Эксмо, 2007. — С. 315—326.

25. Бердяев, Н. А. О святости и честности / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 136—148.
26. Бердяев, Н. А. О частном и историческом взгляде на жизнь / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 336—349.
27. Бердяев, Н. А. О «вечном бабьем» в русской душе / Н.А. Бердяев // Судьба России. — Москва ; Эксмо, 2007. — С. 61—86.
28. Бердяев, Н. А. Религия воскрешения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова) / Н.А. Бердяев // Н.А. Мутные лики: типы религиозной мысли в России. — Москва ; Канон+, 2004. — С. 5—63.
29. Бердяев, Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии) : [монография] / Н. А. Бердяев. — М.: Междунар. отношения, 1990. - 336 с
30. Бердяев, Н. А. Слова и реальности в общественной жизни / Н.А. Бердяев // России. - Москва : Эксмо, 2007.. - С. 360-371.
31. Бердяев, Н. А. Смысл истории : [монография] / Н. А. Бердяев. — М. : Мысль, 1990. - 176 с.
32. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев // Философия свободы; Смысл творчества. — М.: Правда, 1989. — С. 251-580.
33. Бердяев, Н. А. Социальный кризис культуры / Н. А. Бердяев // Новый град. — 1932. — № 3. С. 46—53.
34. Бердяев, Н. А. Судьба Парижа / Н.А. Бердяев // Судьба России. - Москва ; Эксмо, 2007. - С. 259-270.
35. Бердяев, Н. А. Философия неравенства : [монография] / Н. А. Бердяев. — М. : Мысль, 1990. - 176 с.
36. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа : [Сборник] / Н. А. Бердяев // ; [Вступ. ст. А. Г. Мысливченко; Подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой]. — М. : Республика, 1994. - 479 с.
37. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа: [монография] / Н. А. Бердяев. — М. Республика, 1994. - 480 с.
38. Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : [монография] / Н. А. Бердяев. — М. : Искусство, 1994: в 2 т. Т.1. - 542 с.

39. Бердяев Н.А. Эпигонам славянофильства / Н. А. Бердяев // Мутные лики: типы религиозной мысли в России. — Москва.: Канон+, 2004. - С. 71-78.
40. Бойко, В. А. Концептуальные основания рыцарского идеала Н.А. Бердяева: первые шаги/В. А. Бойко // Идеи и идеалы. - 2017. - № 2 (32), т. 2. - С. 108-119.
41. Бойко, В. А. Первая русская революция и развитие рыцарского идеала Н.А. Бердяева / В. А. Бойко // Идеи и идеалы. - 2018. - № 2 (36), т. 1. - С. 51-63.
42. Бойко, В. А. РЫЦАРСКИЙ ИДЕАЛ Н.А. БЕРДЯЕВА И МИРОВАЯ ВОЙНА // Идеи и идеалы. 2021. №2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rytsarskiy-ideal-n-a-berdyaeva-i-mirovaya-voyna> (дата обращения: 18.06.2023).
43. Бойко, В. А. ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ Н.А. БЕРДЯЕВА/ В. А. Бойко, Лихоманов И. В. // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2022. №68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-voynu-n-a-berdyaeva> (дата обращения: 18.06.2023).
44. Гальцева, Р. А. К портретам русских мыслителей. / Р. А. Гальцева, И. Б. Роднянская. – Москва : Петроглиф; Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ, — 758 с.
45. Гаман, Л. А. Н. А. Бердяев о войне // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014. №3 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-a-berdyaev-o-voyne> (дата обращения: 17.06.2023).
46. Даниленко, И. С. Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн. / Даниленко, И. С - Москва; Жуковский: Кучково поле, 2005. - 496 с.
47. Замотохина А. А. Философия войны Н.Б. Бердяева. Человек на войне / А. А. Замотохина, А. П. Шатохина // Homo holistic человек целостный: сборник научных статей / Отв. редакторы Е.В. Гредновская, А.А. Дыдров. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, – 2015. – С. 125-130.

- 48.Ивонина, О. И. Н. А. Бердяев о взаимосвязи Первой мировой войны и Европейских революций XX века / О. И. Ивонина // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919-1949 гг. : Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и международных отношений, социально-гуманитарных наук и права : материалы междунар. науч. конф., Витебск, 3-4 октября 2019 г.. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – С. 19-21.
- 49.Клаузевиц К. О войне : монография / Карл фон Клаузевиц / / (1-4), М., «Римис», 2009 г. – 346 с.
- 50.Кузнецов Ю. В. Историософия Н. А. Бердяева // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriosofiya-n-a-berdyaeva> (дата обращения: 18.06.2023).
- 51.Назарова, М. Г. Русские революции и современный мир через призму философско-этических взглядов Н.А. Бердяева / М. Г. Назарова, А. В. Абрамов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – Том 11. – № 3А. – С. 34-40.
- 52.Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность – современность: коллективная монография. / Т. А. Шарыпина, М. Ф. Надъярных, М. Н., Славятинская, [и др.] ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. - Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2018. – 626 с.
- 53.Отюцкий, Г. П. ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ // Военная мысль. 2009. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-voyny-problemy-konstituirovaniya> (дата обращения: 17.06.2023).
- 54.Снесарев, А. Е. Философия войны : монография / А. Е. Снесарев // – М.: Ломоносовъ, 2013. – 283 с.
- 55.Соловьев, А. В. Война и насилие: опыт теоретико-методологического анализа // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время.

2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-i-nasilie-opyt-teoretiko-metodologicheskogo-analiza> (дата обращения: 17.06.2023).
56. Тимофеев, А. И. Николай Бердяев: человечность и война // Соловьевские исследования. 2016. №1 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-berdyayev-chelovechnost-i-voyna> (дата обращения: 17.06.2023).
57. Хамидулин А. М. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ Н.А. БЕРДЯЕВА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КОНЕЦ ИСТОРИИ, ИЛИ АПОКАЛИПСИС ИНТЕРИОРИЗОВАННЫЙ // Logos et Praxis. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-istorii-n-a-berdyayeva-ekzistentsialnyy-konets-istorii-ili-apokalipsis-interiorizovannyu> (дата обращения: 18.06.2023).
58. Чернявский В. М. Метафизические основания войны в творчестве Н.А. Бердяева / В. М. Чернявский, М. А. Голышев // Homo holistic: человек целостный: сборник научных статей / Отв. редакторы Е.В. Гредновская, А.А. Дыдров. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, – 2015. – С. 130-134.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра философии

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
/ В. И. Кудашов

«19» 06 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

47.03.01 Философия

**ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФИИ ВОЙНЫ В ТЕКСТАХ
Н. А. БЕРДЯЕВА.**

Руководитель Ge канд филос. наук
подпись, дата

Г. А. Илларионов

Выпускник Е.А. Полуни
подпись, дата

Е. А. Полунин

Красноярск 2023